

И первой её читаю я. —Ю.

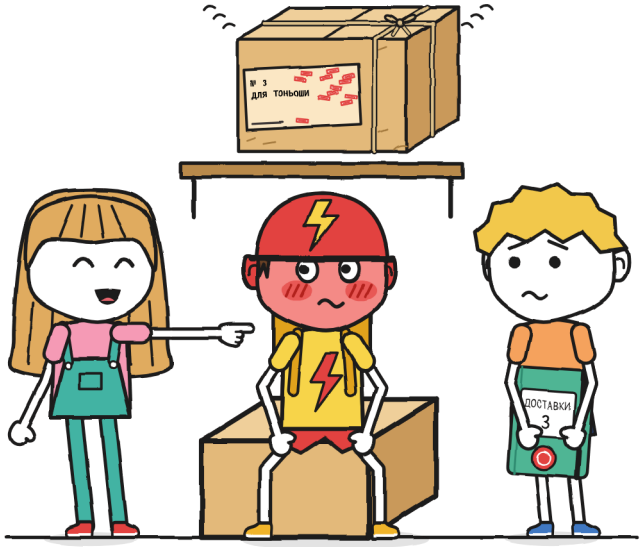
Если найдёшь её, верни. Пожалуйста.

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: настоящие посылки обратно не прилетают. На настоящем велосипеде главная — последняя страница. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

Верните, пожалуйста

LinguAula



(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

Верните, пожалуйста

Третья книга серии. Предыдущие: «Эта посылка кусается» и «Не открывать до грома».

Текст и иллюстрации: LinguAula

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

© 2026 LinguAula · info@linguaula.com

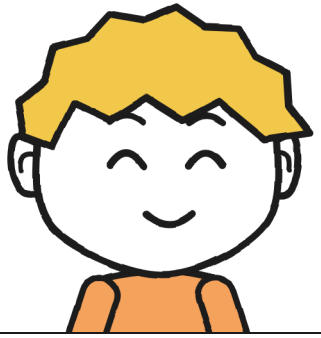
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

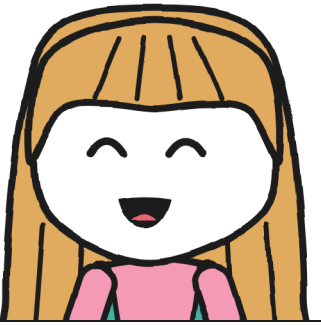
Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один курьер не пострадал при написании этой книги. Покраснел один. —Ю.

КТО ЕСТЬ КТО



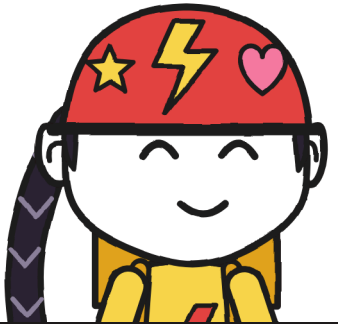
Гуни. Субботний курьер. Рисует то, о чём его никто не просил. Эта тетрадь — его.



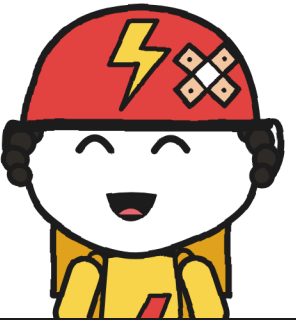
Юля. Пишет зелёным и подписывается «Ю.». Всегда знает, как помочь. В этом и беда.

Тоньо. Развозит заказы для «МОЛНИИ» на велосипеде. За десять минут или бесплатно. Краснеет по частям.

Мара. Хозяйка «Невозможных доставок». Носит ведьмину шляпу. Знает больше, чем говорит.

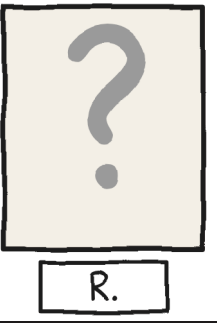


Зоя. Из «МОЛНИИ». Самая быстрая. Придумывает прозвища.

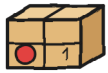


Бруно. Из «МОЛНИИ». Один раз проколол колесо. Два года назад.

Посылка No 3. Звенит, когда её двигают. На этикетке только одно имя.



R. Присылает посылки, которые никто не может доставить. Имя никто не называет.



ГЛАВА 1

Динь

Динь.

Звук был совсем крошечный, из тех, что слышно, только когда все остальные звуки замолчали: ложечка о чашку, звонок игрушечного велосипеда. Он шёл с полки возвращённых, и нас, четверых оставшихся в магазине Мары, будто приморозило: было бы слышно, как падает искра с печати.

Гроза давно ушла. Юля всё ещё стояла на моём синем табурете, подняв зелёный фломастер, а рядом с зачёркнутым 19 только что появилось написанное 18. Мара застыла с рукой на полпути к жалюзи. Я, который не знает, что делать с руками, даже когда всё хорошо, не сделал с ними ничего.

Это была посылка № 3. И Тоньо, который развозит заказы для «МОЛНИИ» за десять минут или бесплатно, стал цвета своего шлема.

Тетрадь была новая. Вторая кончилась у меня за одну грозу; эта — зелёная, в уголке печать магазина, и начать её собирался я, торжественно: название на первой странице и одно новое слово.

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 3 · Гуни. СЕКРЕТНО.

«Секретно» значит, что первой читаю я. И никому не рассказываю. —Ю.

Я написал название, высунув язык, и пошёл за резинкой: вдруг получилось криво. Когда вернулся, тетрадь уже начала Юля.

— Я её начала, чтобы тебе помочь, — сказала она. — Не за что.

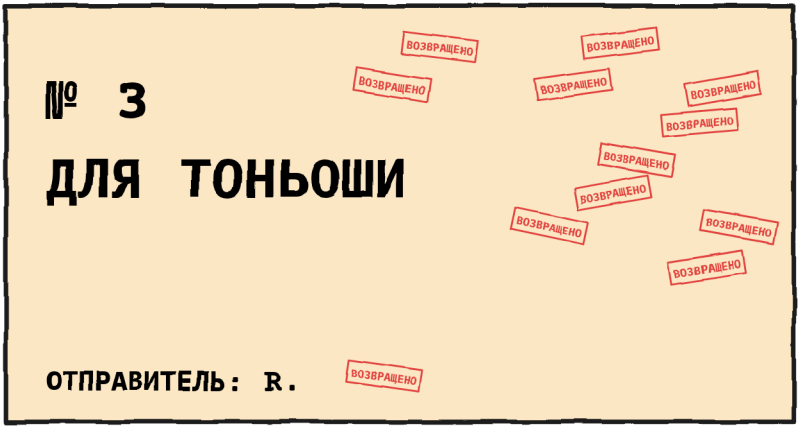
Я не просил о помощи. С Юлей это неважно.

Остальное — на случай, если когда-нибудь это прочтёт кто-то кроме неё. Магазин называется «Невозможные доставки», и он принадлежит Маре: она ведьма, носит фиолетовую шляпу, и у неё есть печать, которая при ударе сыплет искрами, пахнущими задутой свечой. На левой полке она хранит возвращённые: посылки, которые никто не смог доставить. Правило у них одно: если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются, на рассвете посылка улетает обратно на свою полку, точная, как кот в час ужина. Их было двадцать, и присылает их всегда один и тот же человек, R., про которого у меня в синей тетради уже были шесть улик. Мы с Юлей доставили две:

драконье яйцо и бегающие семена, — а на стене написано, её почерком и зелёным, ОСТАЛОСЬ 18.

Юля — та, что пишет зелёные записки. Я Гуни, новенький в районе: почти всё моё до сих пор лежит в коробках. А Тоньо — курьер «МОЛНИИ», с жёлтым рюкзаком; он отрабатывает с нами наказание по субботам, а после грозы у него в магазине появилось своё место: перевёрнутый ящик для доставок возле табуретов. Мара поставила его без объяснений. «Пока что», — сказала она. Никто не решился спросить, сколько длится это «пока что».

Посылка № 3 стояла на верхней полке, рядом с двумя пустыми местами, оставшимися от яйца и семян, этикеткой вперёд. Я подошёл прочитать её: стоя и не прикасаясь.



Три строки, напечатанные на машинке: № 3. ДЛЯ ТОНЬОШИ. И в самом низу: ОТПРАВИТЕЛЬ: R. Между именем и

последней строкой оставалось целое поле белой бумаги. Вокруг — двенадцать печатей ВОЗВРАЩЕНО. Я их посчитал.

Юля спрыгнула с табурета и встала рядом со мной. Прочитала вслух:

— Для То...

И закрыла рот.

Юля никогда не замолкает на полуслове. Я посмотрел на Тоньо и понял почему.

Я прочла её наполовину. Вторую половину проглотила.
—Ю.

Есть люди, которые краснеют сразу. Тоньо — нет: Тоньо краснеет по частям. Сначала уши. Потом щёки. Потом лицо целиком, до самого ремешка шлема, и оставалась ещё последняя ступенька, самая страшная: когда лицо и шлем перестают различаться. После дрожеметра посылки № 2 я не умею смотреть на что-нибудь меняющееся и не придумать для него шкалу, так что я это записал.

Юля потянулась к посылке, чтобы дочитать недостающее.

— Эта посылка может подождать, — очень быстро сказал Тоньо. — Она ждёт уже годами, правда? Подождёт ещё день. Или десять. «МОЛНИЯ» не торопится.

Я впервые слышал, чтобы «МОЛНИЯ» такое говорила.

— Этой ночью ничего не открываем, — сказала Мара. — И полку не трогаем без разрешения.

Рука Юли замерла в воздухе, в пальце от этикетки. Никто ничего не тронул. И тут она зазвенела снова.

Динь.

— Это дверь! — сказала Юля голосом, которого я у неё не знал: слишком высоким и слишком поспешным.

Дверь была закрыта с тех пор, как ушла Вера.

Когда я чего-то не понимаю, я составляю список. Подозреваемые в динь:

1. Дверь. (Предложение Юли. Закрыта, без сквозняка, и никто её не толкал.)
2. Велосипед Тоньо на тротуаре, со звонком «МОЛНИИ». (Он говорит ДРЫЫНЬ, а не динь. Но всё-таки звонок.)

3. Резиновая лягушка. (Юля мгновенно объявила её невиновной. Говорит, что знает её.)
4. Посылка № 3.

Посылку № 3 я поставил последней, из вежливости.

Я вышел на тротуар проверить. Лягушку взял с собой, потому что подозреваемого на расстоянии не допрашивают.

Дождь уже кончился. Улица пахла мокрым асфальтом, и в каждой луже сидел фонарь. Я открыл и закрыл дверь: скриип. Нажал на звонок велосипеда Тоньо: ДРЫНЬ! Сжал лягушку: пик.

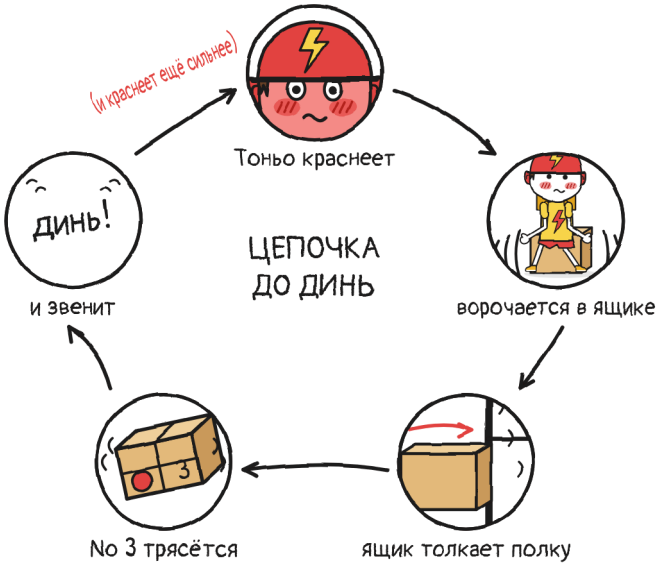
По ту сторону стекла Юля качала мне пальцем: нет. На каждый звук одно и то же, туда-сюда, как дворник на машине. Ни один из них.

Я вернулся и оставил лягушку на прилавке. Тоньо, заметив мой взгляд, заворочался в своём ящике.

Динь.

Я пригнулся. Ящик Тоньо стоял, прислонённый к ножке полки.

Я нарисовал это прямо там, на коленях, и у меня получился круг, потому что сколько я ни вертел, найти, где он начинается, не мог.



Это была не магия. Это был Тоньо. Внутри № 3 лежит что-то, что звенит, когда его двигают.

Как я. —Ю.

Тоньо проследил мой взгляд до ножки полки, посмотрел на свой ящик и решил сидеть смирно.

Хватило его ненадолго, как растянутой резинке.

Смирно. Потом ещё смирнее: так смирно, что было слышно, как он думает «смирно», а по виску у него катилась капля. Юля молчала уже целую минуту, а для неё это всё равно что задержать дыхание под водой, и рано или поздно всплываешь с тем, что лежит ближе всего ко рту.

— Кто такой Тоньоша?

Тоньо подпрыгнул. Ящик толкнул ножку, полка дрогнула, и № 3 сказала ДИНЬ! — с силой, какой ни один динь не заслуживает. Мара посмотрела на потолок, как человек, который считает до трёх.

— Это был просто вопрос, — сказала Юля. — Вопросы полки не толкают.

А этот — да.

— Это был я, — сказал Тоньо, глядя на свои кеды. — Маленьким.

Он сказал это так тихо, что лягушка на прилавке, которая была к нему ближе меня, услышала лучше.

Юля открыла рот. Я видел, как её вопросы выстроились в очередь, как в пекарне в воскресенье утром, первый уже с деньгами в руке. Потом она взглянула на Тоньо, который всё смотрел на свои кеды, и закрыла рот.

— Больше не спрашиваю, — сказала она.

Ей это далось нелегко. Было видно по ноге: тик, тик, тик об пол магазина.

Вопросов, которые я не задала: девять. Они у меня записаны. —Ю.

— А почему вы никогда не отвозили её? — спросил я у Мары.

— Двенадцать раз отвозила. — Считать печати никому не пришлось. — Посмотри на этикетку: ни улицы, ни номера дома, ни фамилии. Я пробовала со всеми Тоньошами, каких нашла.

Она перечисляла по памяти, на пальцах, а я рисовал, пока слушал. Канарейка, которую и вправду звали Тоньоша и которая наступила на этикетку: не считается. Дон Антонио, семидесяти одного года: надел очки, дважды прочитал бумагу и сказал «Я бы не отказался», глядя на неё, как смотрят на витрину. Лодка с канала с именем, написанным на борту, тоже не расписалась: у неё нет рук.

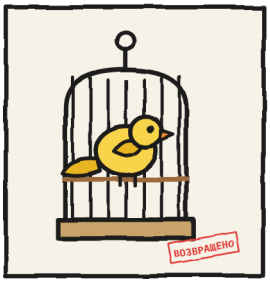
— А Тоньо? — спросила Юля.

— Когда я пробовала в последний раз, я его ещё не знала, — сказала Мара и посмотрела на него. — А как его звали в детстве, мне никто не сказал.

Мара достала из-под прилавка фиолетовый платок и накрыла № 3, как накрывают клетку попугая, чтобы он спал. Потом попросила Тоньо на минутку встать и отодвинула его ящик на две ладони от полки.

— Вот так. Теперь можешь вертеться сколько хочешь.

ТОНЬОШИ МАРЫ



1. Канарейка.
(Наступила на этикетку. Не считается.)

2. Дон Антонио, 71 год.
(«Я бы не отказался».)

3. Лодка с канала.
(У неё нет рук.)

Тоньо мог бы уйти. Велосипед стоял у двери: за десять минут он оказался бы на другом конце района. Он снова сел.

Не знаю почему. Всё равно записываю.

А поскольку у его ящика нет спинки, я нарисовал ему её: высокую, чуть изогнутую, с маленькой подушкой, карандашом и пунктиром, а внизу мелкими буквами: «спинка (моя идея)».

Тебя никто не просил о спинке. —Ю.

Когда закрывали, Тоньо остался последним и застёгивал шлем так медленно, что в «МОЛНИИ» это было бы серьёзным проступком. Мара гасила свет, лампу за лампой; фиолетовый платок так и лежал на посылке, на верхней полке.

— Мара. Завтра приду поговорить об этом. Но наедине.

— Эти двое — из магазина, — сказала Мара, не оборачиваясь.

Тоньо посмотрел на нас. Сначала на Юлю, потом на меня. Я выпрямился на табурете.

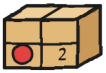
— Эти — ладно, — сказал он. — Но никого из «МОЛНИИ».

Он вышел и пошёл прочь между луж, ведя велосипед за руль.

У динь появился хозяин. Оставалось узнать, нужен ли он хозяину.

Я уже знаю, как ему помочь. —Ю.

Вот это меня и тревожит.



ГЛАВА 2

Я не говорил «да»

По воскресеньям магазин закрыт. В то воскресенье Мара оставила жалюзи приподнятыми, ровно настолько, чтобы можно было пролезть, пригнувшись, и повесила на них табличку, написанную от руки:

ЗАКРЫТО (кроме тебя).

Тоньо пришёл в одиннадцать. Перед тем как войти, он посмотрел налево и направо, как перед переходом. Никого из «МОЛНИИ» не было. Он нырнул под жалюзи, прижав рюкзак к груди, чтобы не задеть, и магазин проглотил его без единого звука.

Мы пришли в половине одиннадцатого. На всякий случай. —Ю.

Я прочёл табличку дважды. Нигде не было написано «и Юля» или «и Гуни». Но Мара открыла нам, ничего не сказав, с поднятой левой бровью, и впустила.

Мы сели на табуреты с лицами людей, которые ничего не ждут. Такое лицо у меня получается хуже, чем у кого бы то ни было.

Мара поставила № 3 на прилавок и сняла платок.

— Посылка номер три. Для Тоньоши. Это ты?

— Был.

— Мне достаточно. Берёшь?

Тоньо посмотрел на коробку. Коробка ничего не сказала.

— Я не говорил «да».

— Но и «нет» ты не говорил.

— Я сказал, что не говорил «да».

Я говорил «да» много раз, лишь бы мне разрешили остаться. Тоньо сидел здесь и не говорил. Я вцепился в край табурета.

— Три фразы, — прошептала Юля. — И ни одна не «да». Я посчитала.

Мара не настаивала.

Тоньо схватил коробку так, как хватают горячий ковшик: обеими руками и с желанием тут же выпустить. Взвесил её. Повернул. Поднёс к уху и чуть-чуть встряхнул.

Динь.

Он быстро её выпустил и остался смотреть на свои руки.

— А если он возьмёт её домой? — сказала Юля. — Если посылка ночует у того, кто её получил, значит, она доставлена. Это логично.

— Печать возврата работает не по логике, — сказала Мара. — Она работает по чернилам.

— Мы с печатью думаем по-разному, — пробормотала Юля: ближе всего к капитуляции, что я от неё слышал.

Чтобы было ясно, я сделал таблицу. Называется СЧИТАЕТСЯ ДОСТАВКОЙ?

- Посмотреть на неё: нет.
- Взять в руки: нет.
- Унести домой: нет.
- Расписаться на этикетке чернилами, которые не стираются: да.

— Эта доставка ваша, — сказала Мара нам с Юлей, — как с громом. С тремя условиями.

Она загнула пальцы.

1. Вы не открываете коробку. И этикетка остаётся приклеенной.
2. № 3 выходит из магазина только тогда, когда об этом попросит Тоньо.
3. Расписывается получатель, если захочет. Если не распишется, на рассвете посылка вернётся, и здесь ничего не случилось.

Юля подняла руку, как на уроке.

— А если он никогда не захочет?

— Тогда никогда.

«Никогда» — это не срок доставки. —Ю.

Тоньо молчал долго. Юля засекла: четыре минуты. Для «МОЛНИИ» это почти полдоставки. За эти четыре минуты он посмотрел на посылку, посмотрел на дверь и посмотрел на свои руки. Чего он не сделал, так это не посмотрел на нас, и я был ему за это благодарен.

— Беру, — сказал он наконец. — Закрытой. Чтобы подумать. Пока что.

— Просишь ты? — спросила Мара.

— Прошу я.

Я заполнил карточку выдачи, чтобы никто не мог сказать иначе:

- Коробка: закрыта. Да.
- Этикетка: приклеена. Да.
- Просит: Тоньо. Да.
- Подпись: ещё нет.

На улице стояло то воскресное солнце после грозы, от которого всё кажется только что вымытым. Тоньо положил № 3 в корзину велосипеда, и когда он её отпустил, она зазвенела: динь.

Он остановился, глядя на руль, где у него звонок «МОЛНИИ», серый и круглый.

— Что? — спросила Юля.

— Ничего.

И ушёл пешком, ведя велосипед за руль. Тоньо почти никогда не ходит пешком.

Это «ничего» было «чем-то». Ему надо помочь. —Ю.

От двери я увидел два велосипеда «МОЛНИИ» на углу, с жёлтыми рюкзаками: девушка с косой до пояса и рядом с ней кто-то очень большой.

— Тоньо! Что у тебя в корзине? — закричала та, что с косой.

— Доставка.

— Для кого?

— Для клиента.

Он не соврал. Но, прежде чем ответить, медленно повернул коробку в корзине, чтобы этикетка смотрела на него.

Теперь я понял, что значит «никого из „МОЛНИИ“».

В ту ночь я оставил жалюзи в своей комнате поднятыми. Я живу напротив магазина: если № 3 вернётся, я её увижу. Я поставил два стула перед окном: один для себя и один, крошечный, для будильника. Окошко над дверью магазина, которое Мара для этого оставляет открытым (в первый день я принял его за почтовый ящик), было чёрным неподвижным прямоугольником.

— Гуни? — сказала мама из коридора. — Почему ты не спишь?

— Караулю посылку.

— А. Ну ладно. Только карауль её в пижаме.

Первые двадцать минут я смотрел на окошко, следующие — на будильник, остаток ночи — в тетрадь, потому что, когда

я жду, мне нужно чем-то занять руки. Так что на подоконнике, при свете фонаря, я улучшил сиденье Тоньо. Версия 1 — это субботняя спинка; в версии 2 есть подлокотники и круглое углубление для стакана. Я нарисовал и стакан, с салфеткой.

Юля тоже хотела караулить, но её окно выходит во двор, а со двора можно караулить только бельё на верёвке.

На рассвете его услышали раньше, чем увидели.

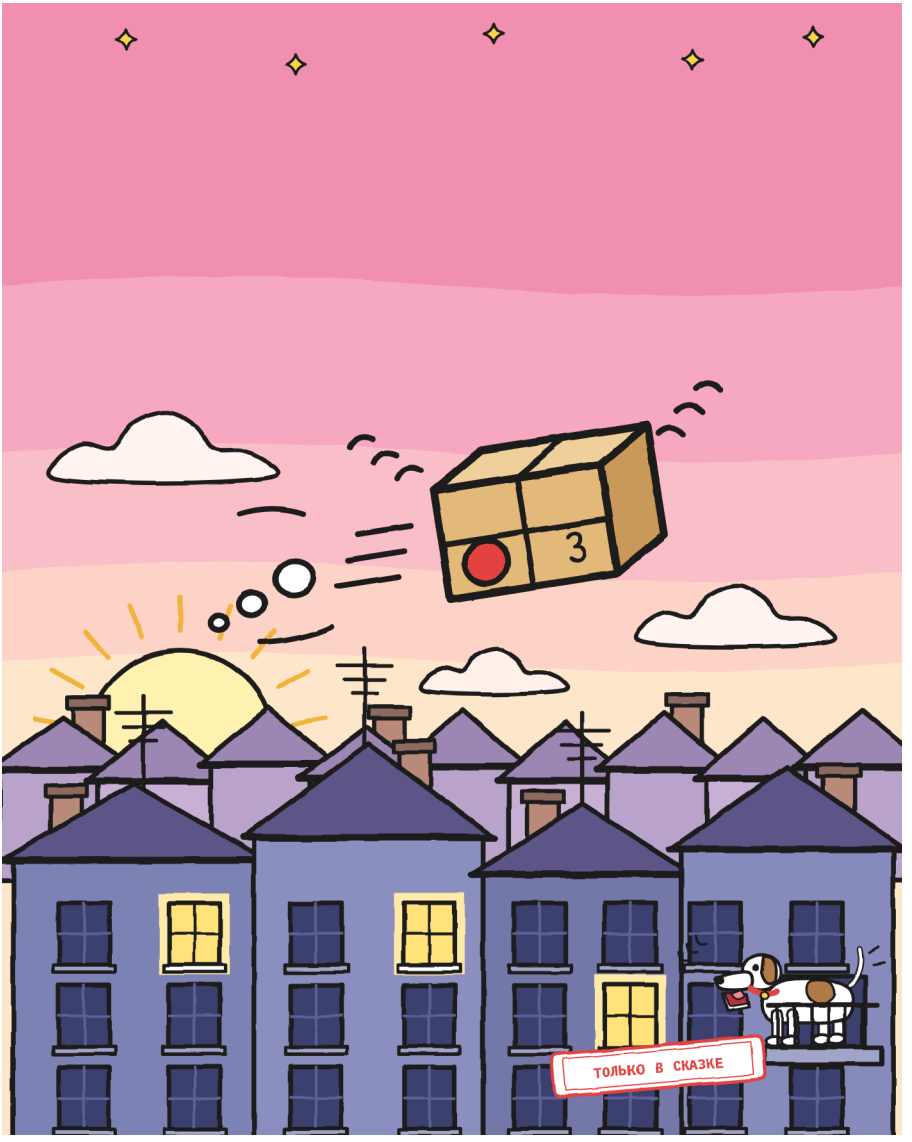
Динь, динь, динь.

Он летел над крышами, не спеша, звеня, как тележка с мороженым, которая ещё не выбрала угол. Зажглось окно, потом другое, потом третье: три, будто кто-то проводил перекличку. Залаяла собака, та, что из дома 4, которая лает на всё летающее, будь то посылка или голубь. И тут я увидел: маленький квадратный свёрток на фоне розового неба; он пересёк мою улицу на уровне моего окна, проскользнул в окошко над дверью, и уже внутри я услышал, как он садится на свою полку с последним динь, покороче, как когда кто-то кладёт ключи на стол.

— Это было оно? — спросила мама из коридора голосом человека, который так и не успел заснуть.

— Оно.

— Тогда теперь завтракать.



Я постоял у окна ещё минуту. Когда мама позвала снова, пошёл завтракать.

После школы мы пошли в магазин. № 3 стояла на своей полке. У неё появилась ещё одна печать, красная, с ещё свежими чернилами, которую никто не ставил: тринадцатая.

Я сказал, что мне её жалко, снова на полке.

— Это не наказание, — сказала Мара. — Это правило. Никто не расписался: она возвращается.

Тринадцать печатей. Так скоро коробки не будет видно. —Ю.

Тоньо пришёл в двадцать минут шестого, после своих доставок. Он не спросил, вернулась ли посылка: он слышал, как она пролетала над его домом. Он сел в свой ящик, который по-прежнему стоял в двух ладонях от полки, и посмотрел на посылку, не глядя, так, как смотрят на того, кто, ты знаешь, смотрит на тебя.

Этого я не видел. Мне рассказал он сам:

— Я оставил её на коврике. На всю ночь.

— А почему не занёс в дом? — спросила Юля.

— В доме и так хватает людей, которые меня так зовут.

Он сказал это без злости, ровным голосом, каким объясняет адреса. Юля не спросила, сколько это — «хватает». Нога стукнула один раз: тик.

— Одна подпись всё бы исправила, — сказала Юля, когда Тоньо ушёл. — Одна. Это две секунды. Я засекла на своей.

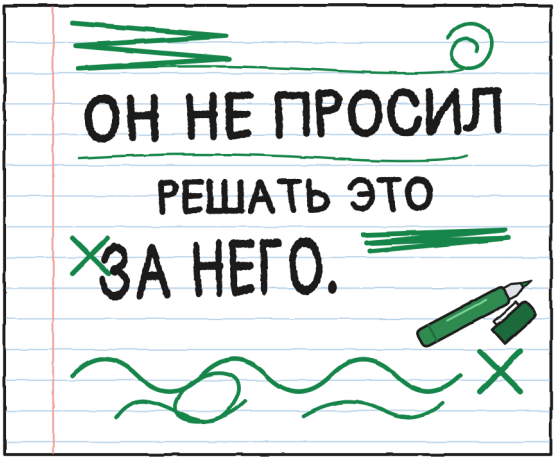
Это была правда. Она проделала это трижды на отдельном листке, со своей обычной Ю: две секунды, две секунды и, когда получилась кривая, две с половиной.

Я открыл тетрадь и написал ручкой, нажимая, чтобы зелёный не смог это закрыть:

ОН НЕ ПРОСИЛ РЕШАТЬ ЭТО ЗА НЕГО.

Я нажал так сильно, что фраза прочитывалась и на следующем листе, рельефом. Юля достала зелёный

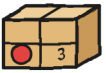
фломастер. Попробовала полосами, спиралями, крестом, облаком волн. Зелёный не стирается, но эту фразу закрасить не смог: она оставалась под ним, целая, заглавными буквами, вдавленная в бумагу.



Я прочла. Не согласна. Пока что. —Ю.

Я посмотрел на неё.

У меня есть другая идея. Не смотри так. —Ю.



ГЛАВА 3

Автографы

Во вторник, когда мы вышли из школы, на тротуаре перед магазином стоял стол. Столы сами на улицу не выходят, а этот к тому же был одет: жёлтая скатерть до земли, объявление, написанное рукой Юли, и посередине — накрытый бугор, квадратный и очень смирный, из тех, что будто ждут, чтобы кто-нибудь задал им вопрос.

На объявлении зелёным было написано: ПОДПИСИ КУРЬЕРОВ. Ниже: СЕГОДНЯ. А ещё ниже, помельче: Самые быстрые в районе.

За столом стояла Юля, руки за спиной, с серьёзным лицом человека, продающего билеты. За витриной Мара говорила по телефону. Скорее слушала: кивала, глядя в потолок, куда она всегда смотрит, когда звонок затягивается.

Я кивнул подбородком на бугор.

— Это пюпитр, — сказала Юля, не дожидаясь вопроса. — Чтобы удобнее расписываться. Я собираю коллекцию автографов.

Пюпитр, насколько я знаю, нужен, чтобы ставить ноты, когда играют на скрипке. Расписываться на нём не принято. Но она сказала это с такой уверенностью, что десять секунд я сомневался в том, что знаю про скрипки.

— С каких пор ты собираешь автографы?

— Со вчерашнего дня.

Вчера она сказала, что у неё есть другая идея. У идеи была скатерть.

На пюпитре лежал лист в линейку, а в самом низу — рамка. Или так казалось: это было окошко, вырезанное ножницами. Я пригнулся. На скатерти было такое же, прямо под ним.

Я приподнял край. Пюпитром был № 3, положенный набок, этикеткой вверх: ДЛЯ ТОНЬОШИ, тринадцать печатей ВОЗВРАЩЕНО и, точно под дыркой в скатерти, кусочек чистой бумаги размером с подпись.

Окончательно я понял, когда нарисовал: я только так всё и понимаю.

— Моим фломастером, — прошептала Юля в восторге. — Чернила, которые не стираются. Завтра он уже не вернётся, а Тоньо ничего не заметит, пока мы ему не покажем. Сюрприз!

У неё было лицо человека, который собирается сделать подарок и выбрал его очень удачно. Даже кончики пальцев у неё были зелёные от фломастера.

Я вспомнил условия Мары. Второе я знал наизусть.

— Тоньо не просил, чтобы её выносили из магазина, — сказал я. — Условие второе.

— Он потом ещё поблагодарит.

— А Мара?

— Она разговаривала по телефону. Я ей сказала, что это стол для автографов. А это он и есть.

— А пюпитр?

— Про него она не спрашивала.

Я напомнил ей про Флору и восьмое семя: Юля не дала Флоре расписаться раньше времени.

— Это не одно и то же. Тогда доставка была наполовину. А это — обходной путь.

— Тогда сделай это сама, — сказал я. — Я не буду.

Я сел на ступеньку магазина, спиной к столу, скрестив руки.

Он сел на ступеньку. Очень достойно. Ничем не помог. —Ю.

«МОЛНИЯ» проезжает по нашей улице в десять минут шестого. Мы услышали их раньше, чем увидели: так бывает со звонками. Их было трое, цепочкой: Зоя впереди, где она всегда; Бруно, огромный, педалирующий, как человек, перевозящий шкаф; и Тоньо последним, чуть поодаль, будто в цепочке три велосипеда, а его — из другой партии.

Потом я нарисовал их такими, какими они приехали, одного за другим.

Зоя, «Ракета», — та, что с косой до пояса, которая в воскресенье спросила, что у Тоньо в корзине. Она самая быстрая и придумывает прозвища. У Бруно на колесе заплатка, а к раме приделан насос, на всякий случай.

Зоя увидела объявление и затормозила.

— Автографы? Наши? — сказала она и слезла с велосипеда.

Никто никогда не просил у них автограф. Поэтому и работает. —Ю.

Зоя расписалась первой, со звёздочкой в «о». Бруно написал «Бруно», медленно, высунув язык и выводя каждую букву кругло. Зоя отобрала у него ручку, зачеркнула одной чертой и написала рядом «Прокол».

— В «МОЛНИИ» прозвища не снимают, — объяснил мне Бруно, не обижаясь. — Я один раз проколол колесо.

Это было два года назад. Много «Прокола» для одного колеса.

Тоньо не слезал с велосипеда. Он смотрел на стол так же, как в воскресенье смотрел на № 3: издалека, обеими руками на руле.

— Твоя очередь, Тоньо, — сказала Юля. — Здесь, внизу, в рамке. Это почётное место.

И дала ему свой зелёный фломастер.

У Тоньо никто никогда не просил автограф. Он слез с велосипеда и выпрямился.

Я отвернул голову. Я смотрел на всё это со ступеньки, и рот у меня был полон «это не моё дело».

Я встал. Я даже не решал: это сделало моё тело, как икота, не спросив меня.

— Тоньо, подож...

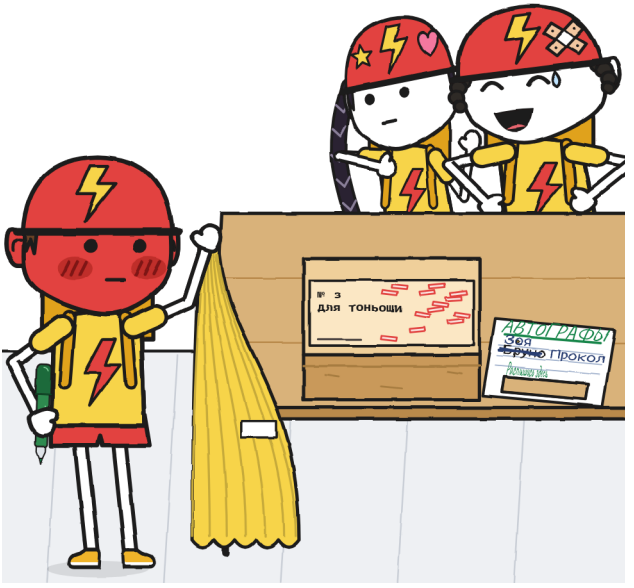
Я опоздал. Тоньо рывком придвинул пюпитр, чтобы расписаться, и под скатертью что-то заговорило раньше меня.

ДИНЬ!

Секунду всё стояло неподвижно: лист, рука Тоньо с фломастером в пальце от окошка, четыре лица над бугром. Я ещё не успел дойти до стола.

Тоньо поднял скатерть двумя пальцами, за уголок.

АВТОГРАФЫ!
Зоя
~~Бруно~~Прокол
ДИНЬ!



— «Для То-нь-о-ши», — прочитала Зоя по слогам, торжественно, как объявляют победителя.

— Тоньоша? — сказал Бруно и засмеялся.

Зоя не засмеялась. Зоя думала.

Юля опустила взгляд на окошко.

Тоньо не закричал. Он медленно надел на фломастер колпачок, пока не щёлкнуло, и положил его на лист. Без подписи.

— «МОЛНИЯ» не расписывается в ловушках.

Потом взял руль и ушёл пешком, с тем звуком часов, который издаёт велосипед, когда никто не педалирует. Никто не пошёл за ним. Я тоже.

Он был цвета шлема, до самого затылка. Но это было не красное от стыда. Это было другое.

У красномётра нет цифры для этого. —Ю.

Мара вышла с фиолетовым платком. Остановилась в дверях, через плечо посмотрела на пустое место на полке, посмотрела на стол и посмотрела на Юлю. Не спросила, кто это сделал.

Накрыла № 3 и подняла на руки.

— Эта посылка не доставлена, — сказала она Зое и Бруно. — А что написано на этикетке, касается Тоньо.

Бруно перестал улыбаться. Зоя один раз оглянулась на бугор, уже фиолетовый. Они сели на велосипеды и уехали, не позвонив в звонок. Насколько я помню, в первый раз.

Я помог Юле собрать всё: скатерть, объявление, лист с двумя подписями и дыркой. Фломастер она убрала сама, не снимая колпачка. Я не сказал «я же говорил». И «ничего страшного» тоже не сказал, потому что было страшно.

Мы сложили скатерть вдвоём, каждый за свой конец. Медленно свели уголки. Дырка оказалась посередине.

— Ты ничего не сделал, — сказала она.

Она сказала это, чтобы меня не впутывать. Это был подарок, и целый сгиб я почти готов был его принять: я ничего не вырезал и ничего не снимал ни с какой полки. Я разгладил складку, которой не было. Выровнял свой конец по её. Сосчитал плитки тротуара от ступеньки до того места, где стоял стол.

Их было меньше двенадцати. Всё это время они были у меня перед глазами.

— Я предупредил поздно, — сказал я, глядя на скатерть. — Мог сказать раньше. Или позвать Мару.

Юля не ответила. Она забрала у меня скатерть, сложила её ещё раз, больше, чем нужно, и вернула.

Потом вошла и рассказала всё Маре, сама, ничего не пропустив. Я остался у двери, со скатертью в руках. Оттуда было слышно всё: окошко, скатерть, полка, телефон. Мара выслушала до конца.

— Тоньо, — сказала Мара, когда она закончила, — расскажешь ты.

В среду Тоньо проехал в десять минут шестого и не притормозил. Проехал быстро, глядя перед собой, с той скоростью, которая тоже способ отсутствовать. В двадцать минут шестого проехал снова: я услышал, как он едет,

услышал, как не тормозит, услышал, как уезжает. Для того, кто развозит за десять минут или бесплатно, проехать три раза по одной улице и ни разу не остановиться — очень странный способ не зайти в магазин. Больше всего это было похоже на стук в дверь.

Я сидел на той же ступеньке.

В третий раз Юля стояла посреди тротуара с листком. Она пропустила Тоньо дважды.

Она держала листок обеими руками на уровне лица, как таблички в аэропортах, а Тоньо читал его с велосипеда, одной ногой на земле, не прикасаясь. Три фразы и одно слово: «Я вытащила твою посылку», «Я хотела тебя обмануть», «Я показала твою этикетку другим». А ниже, отдельно и крупнее, «Прости». Я знаю это дословно, потому что потом она переписала это в мою тетрадь. Ни одного «но», ни одного «я не нарочно», ни одного «чтобы помочь». Я дважды проверил, ища.

Подпись: «—Юля». Юля подписывается одной Ю. На этот раз она поставила все буквы.

— Ладно. Я прочёл, — сказал Тоньо.

— Ты меня прощаешь?

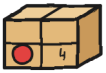
Этого в листке не было. Юля сжала пальцами край бумаги.

— Я сказал, что прочёл.

Тоньо поставил ногу на педаль и уехал. На педалях, в этот раз, не спеша и не тормозя. Юля осталась смотреть на улицу, а потом убрала листок в карман комбинезона, не складывая.

В тот вечер, в магазине, ящик Тоньо остался пустым.

Я подписалась полным именем. Это минимум. —Ю.



ГЛАВА 4

Маленький велосипед

В четверг Тоньо вошёл в магазин, не глядя по сторонам улицы.

В воскресенье, перед тем как войти, он посмотрел налево и направо, как перед переходом, когда не доверяешь машинам. На этот раз он вошёл прямо, в шлеме. Прятаться ему больше было не от кого из «МОЛНИИ»: те двое, которым надо было узнать, узнали во вторник, вместе со скатертью.

Мы его не ждали. С вторника мы с Юлей говорили мало и осторожно, как двое, несущих вдвоём поднос со стаканами. Юля перестала строить планы вслух, и это бросалось в глаза больше всего: как когда выключается холодильник и только тогда понимаешь, что он гудел.

Под мышкой у него был велосипед.

Его настоящий велосипед остался снаружи, у стены. Этот был красный и такой маленький, что он нёс его, как батон хлеба, а на руле лежала пыль кладовки.

Не его. Или его: тот, прежний.

Он прошёл мимо своего ящика, не садясь. Ящик стоял там, где его оставила Мара в субботу: вверх дном, рядом с табуретами, пустой. Юля начала вставать с табурета и снова села. Дважды.

— С воскресенья у меня в голове этот динь, — сказал Тоньо, обращаясь к Маре и больше ни к кому. — Кажется, я знаю, откуда он. Хочу проверить, правильно ли я помню. Хочу её открыть. Но не здесь. Там, где нет витрины.

Мара не спросила почему. Она сняла № 3 с полки и повела нас в подсобку.

В подсобке висит лампочка без абажура, на полках лежат шпагат и упаковочная бумага, у стены сложены мешки для доставок, а ещё стоит маленький стол, на который Мара поставила коробку.

— Открыть, чтобы посмотреть, — это не расписаться, — сказала она, глядя на Тоньо так, как дают зонтик: не потому, что идёт дождь, а на всякий случай. — Без подписи на рассвете она вернётся.

Тоньо кивнул.

Юля так и осталась в дверях, одной ногой по каждую сторону косяка.

— Можно мне остаться? — спросила она. Спросила!

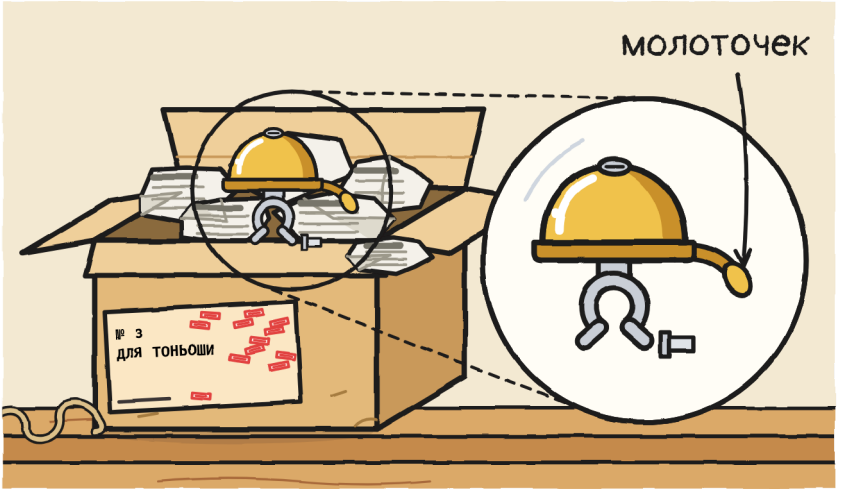
Тоньо помедлил. Не знаю, сколько: засекать — это дело Юли, а Юля была занята.

— Если ничего не будешь трогать.

— Ни коробку, ни тему.

Она села на мешок, в углу.

Тоньо снял шлем и повесил на гвоздь. Без шлема стали видны плоско прижатые каштановые волосы и уши, уже не такие красные, как во вторник. Потом он развязал верёвку, упаковочную, которая со временем стала цвета бумаги. Внутри была газета, такая старая, что рвалась сама. Тоньо разворачивал её кончиками пальцев. А между бумагами...



Велосипедный колокольчик. Маленький, золотистый, с молоточком на пружинке: достаточно встряхнуть, и он звенит.

№ 1 кусалась. № 2 бегала. № 3 только звенит.

Ни дракона, ни лап. Колокольчик. Мне нравится. —Ю.

Под бумагой лежала записка, сложенная вчетверо. Тоньо развернул её на столе. Почерк был тесный, кривой, будто писали в едущем автобусе. В уголке — клякса:

«Тоньоша: колокольчик обязательно зазвенит, так было сказано. Вот он и звенит. Прости, что поздно. —R.»

И ниже:

«P. S. Возможно, ты вырос. Колокольчик — нет.»

Тоньо прочитал её дважды.

— Какой плохой почерк, — сказал он.

И больше ничего долго не говорил.

R. выполняет обещания с опозданием. Это сказала Флора. Но не сказала, НА СКОЛЬКО. —Ю.

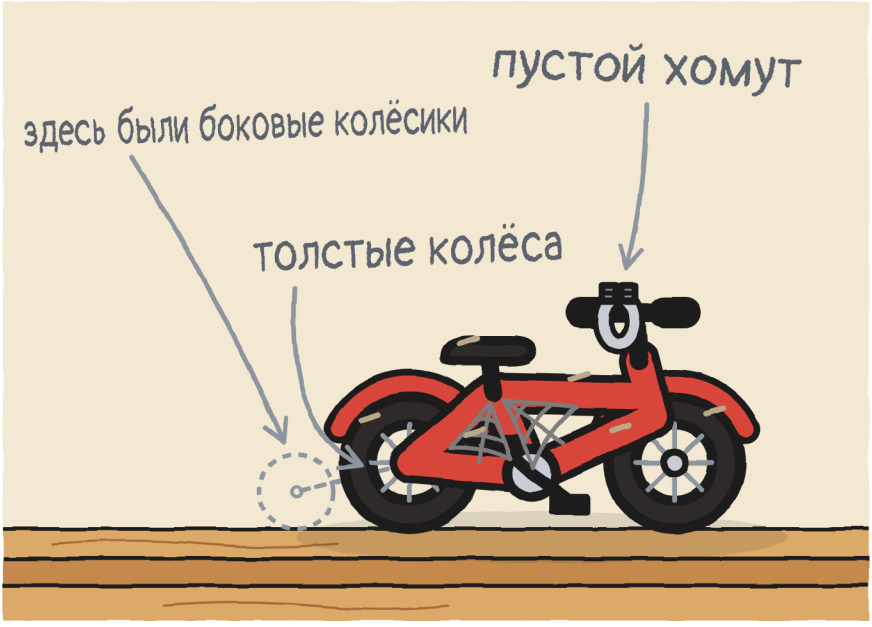
Тогда Тоньо отодвинул коробку и поставил маленький велосипед на стол.

Я нарисовал велосипед, со стрелками.

Толстые колёса; следы на заднем, где были боковые колёсики; а на руле пустой хомут с винтом.

— Он был мой, — сказал Тоньо. — На нём был этот колокольчик. Однажды он перестал звенеть: только щёлкал,

клак. Кто-то мне сказал: «Дай его мне, Тоньоша, я починю и верну».



— Кто? — вырвалось у Юли, и она зажала рот обеими руками.

— Лица я не помню. Помню колокольчик. И что очень долго ждал.

Юля так и сидела с руками у рта.

— Дома меня по-прежнему зовут Тоньошей, — сказал Тоньо. — В «МОЛНИИ» — нет. В «МОЛНИИ» я Тоньо: я сам написал это в карточке в первый день.

Я представил его с ручкой «МОЛНИИ», пишущего ТОНЬО в графе имени, без того, чтобы кто-то что-то сказал:

единственное имя в районе, которое ему не дал кто-то другой.

— А что плохого в Тоньоше? — спросил я. Спросил по-настоящему, без всякого умысла. С вопросами у меня как с икотой: выскакивают.

— Ничего. Пока этого не говорит Зоя. В «МОЛНИИ» прозвища не снимают. Посмотри на Бруно.

— Бруно называет меня Тоньошей уже шесть раз со вторника, — добавил он. — Я считал.

Юля съёжилась в своём углу.

Никто не знал, как продолжать. Тогда Юля спросила:

— Ты ещё помещаешься?

Не удержалась.

Мара опустила велосипед со стола на пол, так осторожно, как снимают человека с высокого табурета. Тоньо посмотрел на велосипед. Посмотрел на Мару. Сел.

Помещался. Более или менее. Колени доставали до ушей, а локти торчали в стороны.

Мара издала звук, который у кого-нибудь другого был бы смехом. И Тоньо тоже засмеялся. С субботы я не видел, чтобы он смеялся. Во вторник смеялся Бруно; в этот раз смеялся он сам. Звучит это не одинаково.

Красномётр: 0. Записываю, потому что это тоже считается. —Ю.

Мне в голову пришла одна мысль, и надо было решить, помощь это или толчок. С Тоньо, сидящим так, согнувшимся на велосипеде, который уже не по размеру, разница показалась мне толщиной в волос. Я сказал это как факт, а не как совет.

— На твоём нынешнем велосипеде уже есть звонок, — сказал я. — «МОЛНИИ». Ты не обязан ставить этот. Можешь его сохранить. Или дать ему вернуться.

— Я знаю, — сказал Тоньо.

Но посмотрел на меня так, будто никто ему этого раньше не говорил.

В своём углу Юля подняла голову, услышав меня. Ничего не сказала. Было видно, что она это запомнила.

Она одиннадцать минут молчала и слушала, с убранным фломастером и руками в карманах комбинезона. Про одиннадцать минут я узнал потому, что она сама потом записала это в мою тетрадь.

Одиннадцать минут. У меня язык заснул. —Ю.

— Хочу попробовать его один, — сказал Тоньо.

Мы втроём вышли. Тоньо закрыл дверь подсобки.

Юля ушла в другой конец магазина, чтобы не слушать. Я, чтобы не слушать, рисовал: у сиденья Тоньо теперь есть балдахин. Звон всё равно было слышно. Мара разбирала шпагат, который и так был разобран.

Динь.

Это был тот же динь, что в субботу. Потом ещё один. А потом долго никакого. Никто из нас троих не смотрел на дверь.

Когда он вышел, в одной руке у него был колокольчик, а под мышкой коробка. Маленький велосипед остался в подсобке, прислонённый к мешкам, с пустым хомутом.

— Беру её до завтра. Без подписи.

— Тогда на рассвете она вернётся, — сказала Мара.

— Пусть возвращается. Хочу узнать, каково это — когда она у тебя целую ночь.

— А если он оставит колокольчик вне коробки? — спросил я.

— Я такого не пробовала, — сказала Мара. — И не собираюсь пробовать в семь утра.

Тоньо убрал всё внутрь: колокольчик и записку.

В пятницу на рассвете моя улица снова зазвенела: динь, динь, динь, над крышами, не спеша. Зажглись те же три окна. Залаяла та же собака. Возвращение № 14.

То, что было раньше, я не видел. Мне рассказал Тоньо в тот же вечер, из своего ящика, глядя в пол:

— В этот раз она ночевала не на коврике. Она ночевала на моей тумбочке. На рассвете начала биться в стекло, и я открыл ей окно.

— И каково? — спросил я. — Когда она у тебя целую ночь.

Тоньо помедлил.

— Длинно, — сказал он.

Он открыл окно посылке. Какой воспитанный. —Ю.

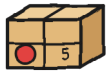
В тот вечер я нарисовал два велосипеда Тоньо рядом. На нынешний поставил колокольчик, получилось очень хорошо. Внизу написал «раньше» и «теперь».

Юля наклеила мне сверху бумажку, прямо на руль, закрыв мой только что нарисованный колокольчик:

Он его ещё не поставил. —Ю.

Я попробовал отлепить её ногтем, за уголок.

Она была права. Меня это немного бесит.



ГЛАВА 5

Наедине

В пятницу вечером № 3 стояла на своей полке с четырнадцатью печатями.

Тоньо в своём ящике смотрел на неё издалека.

Юля уже два дня что-то готовила. Я знал это, потому что уже два дня она не рассказывала мне, что именно.

Я боялся худшего. В прошлый раз, когда Юля готовила что-то втайне, у тайны была скатерть.

На этот раз первым делом я проверил, нет ли скатерти. Ни стола, ни пюпитра, ни окошка, вырезанного ножницами: листок из тетради, в линейку. Юля молча положила его Тоньо на колени и отступила к стене, заложив руки за спину, на два шага дальше, чем нужно. Я их сосчитал.

Это был лист с двумя вариантами.

Тоньо прочитал его дважды; во второй раз — только Б. Я, заглянувший ему через плечо с деликатностью перископа, прочитал трижды, ища ловушку.

Тоньо поднял глаза и посмотрел на Мару.

— Если я распишусь, кто узнает?

Он сказал это, когда уши были на единице.

— Я. И мой журнал, который не выходит из этого ящика.

Мара приоткрыла ящик прилавка ровно настолько, чтобы было видно: толстая книга, перехваченная резинкой. Закрыла ящик бедром.

— А «МОЛНИЯ»?

— Я ей не расскажу. Журнал — это не объявление.

Юля открыла рот и снова его закрыла. За спиной у Мары на стене зелёное объявление по-прежнему говорило ОСТАЛОСЬ 18.

В объявлении — цифры. Имена остаются в ящике. —Ю.

Тоньо встал из своего ящика. Ящик издал глухой звук, звук ящика, в котором больше никого нет.

— Б.

Юля не запрыгала. Я видел, как она не запрыгала.

Она сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— В подсобке, — продолжил Тоньо. — И я хочу, чтобы вы были. Вы двое.

— Я тоже? — спросила Юля.

— Ты больше всех хочешь, чтобы я расписался. Лучше, чтобы ты была перед глазами.

Мне досталось снимать № 3 с полки. Я встал на синий табурет и снял её обеими руками, не дыша, как несут тарелку супа, налитую до краёв. Всё равно она зазвенела: маленький динь, из вежливых, означавший «с вашего позволения».

Мы вернулись в подсобку. Тоньо снял шлем и положил на мешок, ремешок свисал.

Я поставил № 3 на стол. Тоньо поднял крышку и снова достал колокольчик и записку. Положил их под лампочку:

колокольчик, золотистый, на боку, с молоточком, неподвижным на пружинке; записку, развёрнутую и разглаженную ребром ладони, с плохим почерком R., который при этом свете казался рисунком.

Он смотрел на них медленно, как пересчитывают сдачу.

— Прежде чем расписаться, я смотрю, что подписываю, — сказал он, ни на кого не глядя.

Юля стала цвета своей футболки.

Юля протянула ему свой зелёный фломастер, с надетым колпачком. Подала задним концом, остриём к себе, как передают ножницы. Потом ушла в угол и села на мешок, очень прямо, с высоко поднятым подбородком и странно торчащими локтями.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Сижу на собственных руках. Чтобы не помогать.

Это было буквально. Она засунула их под бёдра, по одной с каждой стороны, и давила ими на мешок. Губы шевелились; кажется, она считала слонов.

Я репетировал в постели, как предупредить вовремя, если понадобится. В тот вечер говорить ничего не пришлось.

Я закрыл тетрадь и сунул её под мышку.

Потом он всё записал. —Ю.

Тоньо снял колпачок с фломастера и расписался.

Он не колебался, но делал это долго. Т, большая. О. Н. Мягкий знак, который он вывел медленно. О. Пять букв, ясных и прямых.

В углу появилась печать, которую никто не ставил: ДОСТАВЛЕНО.

На этикетке было написано «Тоньоша». В подписи — «Тоньо».

— Так подойдёт? — спросил он у Мары. — Это не одно и то же имя.

Мара прочитала этикетку сверху донизу, не касаясь её.

— Расписывается получатель, — сказала она. — А получил её ты.

Мы вернулись в магазин. Тоньо нёс колокольчик в одной руке и снова надел шлем. Я всё ещё держал закрытую тетрадь. Мара погасила лампочку и пришла последней.

Она открыла ящик, достала книгу с резинкой и записала доставку: дату, номер и пять букв.

У Юли уже был в руке синий табурет — тот самый, на который она встаёт, чтобы дотянуться до объявления, — и она уже шла к стене. Она остановилась как вкопанная. Снова поставила его на пол, ножками вниз, без звука.

— Можно мне поменять объявление? — спросила она.

Спросила у Тоньо, а не у Мары.

Тоньо посмотрел на объявление. Помедлил, как медлят, проверяя адрес.

— Там только число.

— Только.

— Ладно.

Юля встала на табурет, одним росчерком зачеркнула 18 и рядом написала огромное 17 зелёным, которое не стирается.

Я сначала спросила. Для протокола. —Ю.

Тоньо вышел на тротуар, прислонил велосипед к стене и достал из рюкзака отвёртку.

— Будешь ставить? — спросил я.

— Да.

— А звонок «МОЛНИИ»?

— Тот — «МОЛНИИ». Этот — мой. — И добавил, не поднимая глаз: — Подержишь велосипед?

Поставил её он сам. Я только держал велосипед, и то потому, что он попросил. Хомут сомкнулся вокруг руля, рядом с серым звонком «МОЛНИИ». Тоньо затянул винт, пока ему не показалось, что хватит. Мара смотрела от двери, скрестив руки, что у неё означает аплодисменты.

Потом он ударил пальцем по молоточку.

Динь.

В десять минут шестого проехала «МОЛНИЯ». Они ехали цепочкой по улице: Зоя впереди, с косой по ветру; Бруно сзади, с насосом на раме; и в конце — пустое место размером с Тоньо. Бруно затормозил.

— Что это звенит?

— Колокольчик.

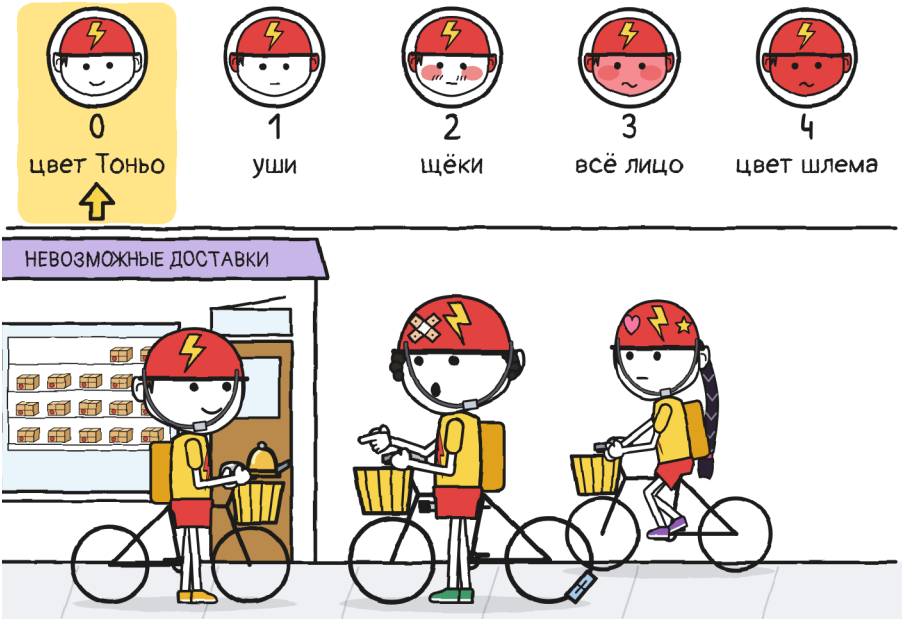
— Откуда он?

— Он был мой.

— С тех пор, когда ты был Тоньошей?

Я посмотрел на лицо Тоньо. Ничего. Даже уши не изменились.

— С тех времён, когда меня так звали. Теперь я Тоньо. А тебя как зовут?



— Про... — Бруно оборвал себя. — Бруно.

— Вот и я о том же, Бруно.

Бруно поднял голову, как человек, услышавший своё имя по громкой связи. В «МОЛНИИ» уже два года никто не называл его Бруно.

Зоя открыла рот.

Во вторник она зачеркнула ему «Бруно» и написала «Прокол».

Тоньо ударил по молоточку. Один раз, ни на кого не глядя.

Динь.

Зоя закрыла рот. Подумала. Думала столько, сколько горит жёлтый сигнал светофора.

— Хорошо звучит, — сказала она. — Мы опаздываем, Тоньо.

Он сказал «Тоньо». Без добавок. —Ю.

Они уехали цепочкой: Зоя, Бруно и последним Тоньо, с большим пальцем всегда рядом с молоточком.

В ту ночь я снова оставил жалюзи поднятыми.

Оставил и оба сторожевых стула перед окном, мой и крошечный для будильника, по традиции, и залез в кровать с будильником под мышкой. В ту ночь я караулил лёжа.

— Опять караулишь? — спросила мама из коридора.

— Сегодня караулю, чтобы ничего не случилось.

— Это у меня очень хорошо получается. Спи.

Я продержался почти до двенадцати.

Я заснула с открытым фломастером. Подушка у меня теперь зелёная. —Ю.

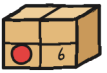
Я проснулся раньше будильника, всем телом готовый к динь.

Рассвело.

Ничего не прозвенело.

Ни динь, ни окна, ни собаки из дома 4.

Это самая красивая тишина, какую я слышал на своей улице.



ГЛАВА 6

Пока что

В субботу, в десять, я нарисовал полку: семнадцать посылок и три пустых места.

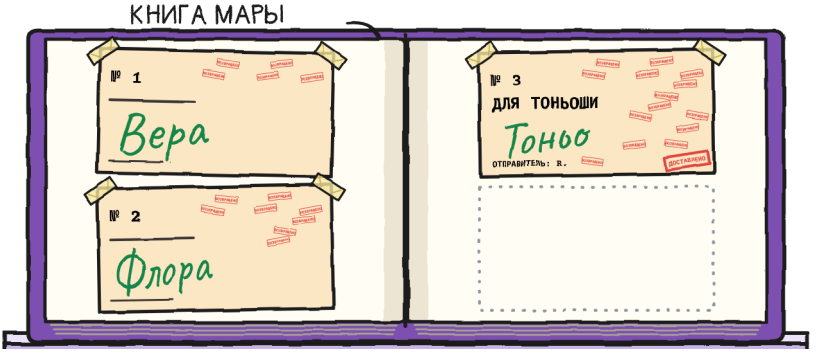
Я перешёл улицу одетым, что уже прогресс: в первую субботу я сделал это в пижаме и домашних тапках. Перед тем как войти, я посмотрел на окошко над дверью, которое Мара оставляет открытым для тех, кто возвращается. Оно было открыто. Никто не влетал.

С пустыми местами я провозился дольше, чем с посылками. На каждом оставался чистый прямоугольник, а вокруг — пыль. Я рисовал их, не нажимая на карандаш.

Мара тем временем достала книгу из ящика и открыла на прилавке, спиной к двери. Отклеила этикетку № 3 и приклеила в свою книгу, рядом с двумя другими.

Тоньо, который отбывает субботы так же, как развозит заказы, — вовремя и не снимая шлема, — смотрел с другой стороны прилавка. Его имя, из подписи, переходило из ящика

в книгу. Он посмотрел на книгу. Посмотрел на дверь, закрытую. Ещё немного посмотрел на книгу.



Тридцать семь печатей: двадцать три и четырнадцать. Три подписи зелёным.

Яйцо, семена и колокольчик. Все три пришли с опозданием. Все три пришли.

Третью расписал Тоньо. В этот раз я только подала ему фломастер. —Ю.

Тоньо сел в свой ящик и заворочался. В этот раз он не смотрел на полку.

— Ящик по-прежнему «пока что», — сказала Мара, не поднимая глаз от книги.

— Пока что мне хватает, — сказал Тоньо.

«Пока что» может длиться годами. Спроси посылку № 3. —Ю.

Я показал Тоньо свой проект его сиденья. На него ушла вся неделя.

Это была окончательная версия, с размерами и легендой: ящик для доставок, превращённый в трон. В ней соединялись спинка из ночи грозы; подлокотники и место для стакана из версии 2; балдахин из третьей, с бахромой, и новый коврик, тоже с бахромой. Антенна получилась сама собой, в двенадцать ночи; я не знаю, что она собиралась принимать, и потому её оставил.

Я протянул его обеими руками, как диплом. Тоньо рассмотрел всё целиком, с той же серьёзностью, с какой читал записку R. Ни разу не засмеялся. Я это оценил. Юля заглянула мне через плечо с лицом человека, который узнаёт родственника на фотографии.

— Отдашь? — сказал он.

Сложил проект вчетверо, положил на ящик и сел.

На улице колокольчик перекосился на руле. Мы увидели это, когда вышли подышать: он съехал на пол-оборота набок, как голова, которая засыпает в автобусе.

— Придержу, пока затягиваешь, — сказал я.

— Я сам.

Смог он сам. А я смотрел на этот винт. Казалось, в нём сто оборотов.

Тоньо высунул кончик языка. Юля рядом со мной засунула руки в карманы комбинезона по самые запястья; кулаки были видны сквозь ткань. У меня комбинезона нет: я схватил одну свою руку другой, за спиной.

Когда Тоньо сделал последний оборот, колокольчик встал лицом вперёд, прямой, как солдат.

— Готово, — сказал он.

Я отпустил свою руку, сам себя, а это труднее, чем кажется.

Вернувшись, Юля достала из-под прилавка лист с автографами. На нём было две подписи, дырка и, с сегодняшнего утра, заплатка: окошко было заклеено кусочком бумаги и таким количеством скотча, что заплатка стала самым прочным местом листа.

— Это тот, с ловушкой, — сказала она Маре, не дожидаясь вопроса. — Я его исправила.

Потом положила его перед Тоньо.

— Дашь мне автограф? Настоящий. Без ничего под низом.

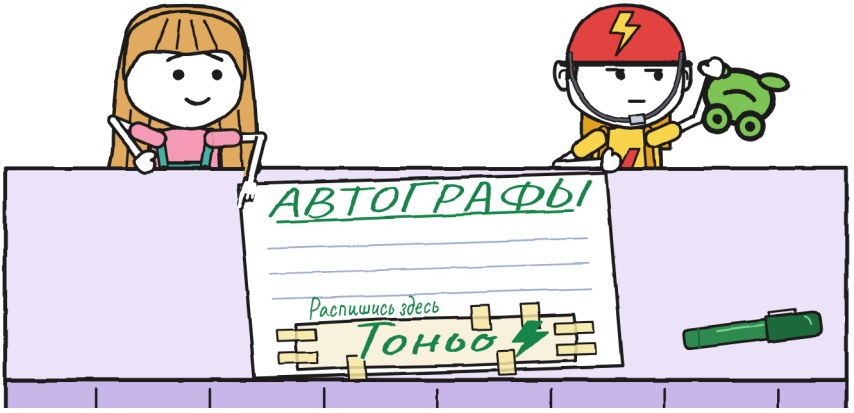
Она сказала это медленно, один раз, и стала ждать.

Тоньо заглянул под лист. Заглянул под прилавок. Перевернул лягушку.

У Юли дёрнулась мышца на лице, когда Тоньо поднял лягушку. Это было единственное возражение. Она сняла его сама.

— Ладно.

Он расписался поверх заплатки: «Тоньо», с молнией, свисающей с последней буквы.



Я это заслужила. —Ю.

В полдень Тоньо уехал на доставку. Я видел из двери, как он отъезжал, с колокольчиком, крепко сидящим на месте.

Господин в берете медленно переходил улицу с тростью, по зебре на углу.

Тоньо затормозил. Подождал, поставив ногу на землю. Потом один раз позвонил в колокольчик, чтобы господин знал, что он здесь.

Динь.

Господин поднял трость в знак приветствия и пошёл дальше своим шагом.

Мара вышла на порог, рядом со мной, скрестив руки.

— Это дон Антонио, — сказала она. — Тоньоша номер два в моём списке.

Это был тот, кто сказал «Я бы не отказался». Он дошёл до нашего тротуара и остановился возле велосипеда Тоньо, который никуда не уехал: всё ещё стоял там, с ногой на земле и рукой рядом с молоточком, не торопясь.

— Этот колокольчик новый? — спросил господин.

— Старый, — сказал Тоньо. — Он был мой. С тех пор, когда меня звали Тоньошей.

— Меня шестьдесят лет никто так не называет. Если хочешь, поменяемся: ты будешь дон Антонио, *а* я — Тоньоша.

Тоньо задумался. Посмотрел на берет, потом на свой руль.

— Пока что нет.

Дон Антонио кивнул и коснулся берета пальцем, как человек, который заключает сделку и оставляет её открытой.

— Я здесь, — сказал он. — Перехожу не спеша.

С доставки Тоньо вернулся за двенадцать минут. Юля их засекла. Она посмотрела на свои часы, но ничего не сказала. Тоньо сел в свой ящик.

Я достал карточку R. Это была страница с портретом, который представляет собой большой вопросительный знак, а под ним R.; в ней было шесть улик. Я добавил две:

- Улика 7. Знали Тоньо, когда он ездил на маленьком велосипеде.
- Улика 8. Обещали ему колокольчик, который зазвенит. Тянули годами.

Тоньо попросил у меня ручку и написал внизу своим почерком. Вне списка, заглавными буквами курьера, тесными, из тех, что проступают на листе внизу:

НЕ ВЫЯСНЕНО: мне должны объяснение.

— И ты не скажешь спасибо? — спросила Юля. Спросила медленно, как несут полную чашку.

— Спасибо и претензию. Обе. Когда узнаю, кому.

В час пришла Вера, с Крошкой на руках и веточкой в волосах.

— Я пришла просить помощи, — сказала она. — Крошка уже умеет взлетать. Теперь ей нужно безопасное место для посадки. — Она сделала паузу. — Вчера она выбрала мой суп.

Я выпрямился на табурете с первого слова. У Крошки на роге висела лапшинка. Она посмотрела на меня и сделала моё лицо «это не я».

Твоё, один в один. С лапшинкой. —Ю.

— Тебе нужен кто-нибудь быстрый? — спросил Тоньо из своего ящика.

Крошка наклонилась с рук Веры и обнюхала ему шлем.

— Мне нужен тот, кто умеет ждать, — сказала Вера.

— Я тоже умею. С этой недели.

Позади него Юля подняла обе руки, как человек, сдающийся при очень вежливом ограблении.

Я тоже умею ждать. Уже можно? —Ю.

Когда я чего-то не понимаю, я составляю список. В этот раз я понимал, и список всё равно получился: последняя страница этой тетради, таблица доставки.

ДОСТАВКА № 3. Сколько кому понадобилось:

- «МОЛНИЯ»: десять минут.
- R.: годы.
- Тоньо: шесть дней.
- Юля слушает: одиннадцать минут (рекорд).

Тоньо встал из своего ящика, поправил шлем и пальцем проверил, что колокольчик по-прежнему прямой. Он был прямой.

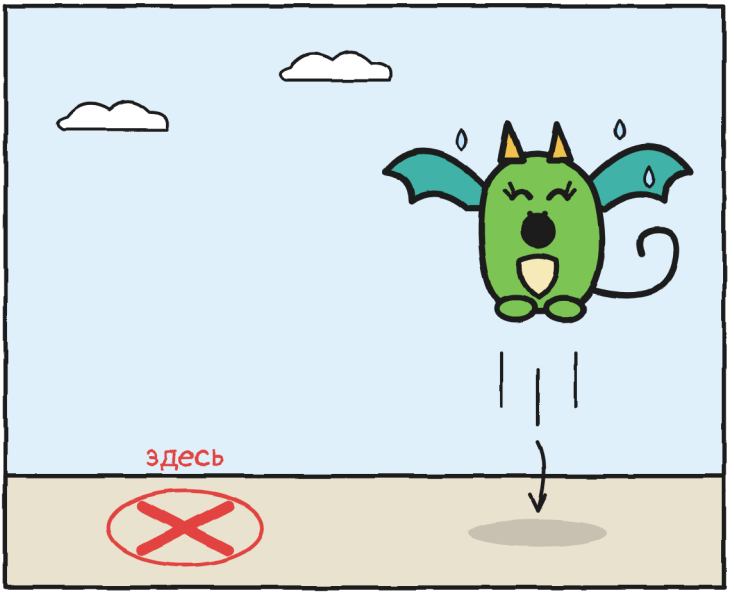
Он уехал на доставку. С улицы донёсся динь. И ещё один.

В этот раз в колокольчик звонил он сам.

Я пока звеню одна. Я работаю над этим. —Ю.

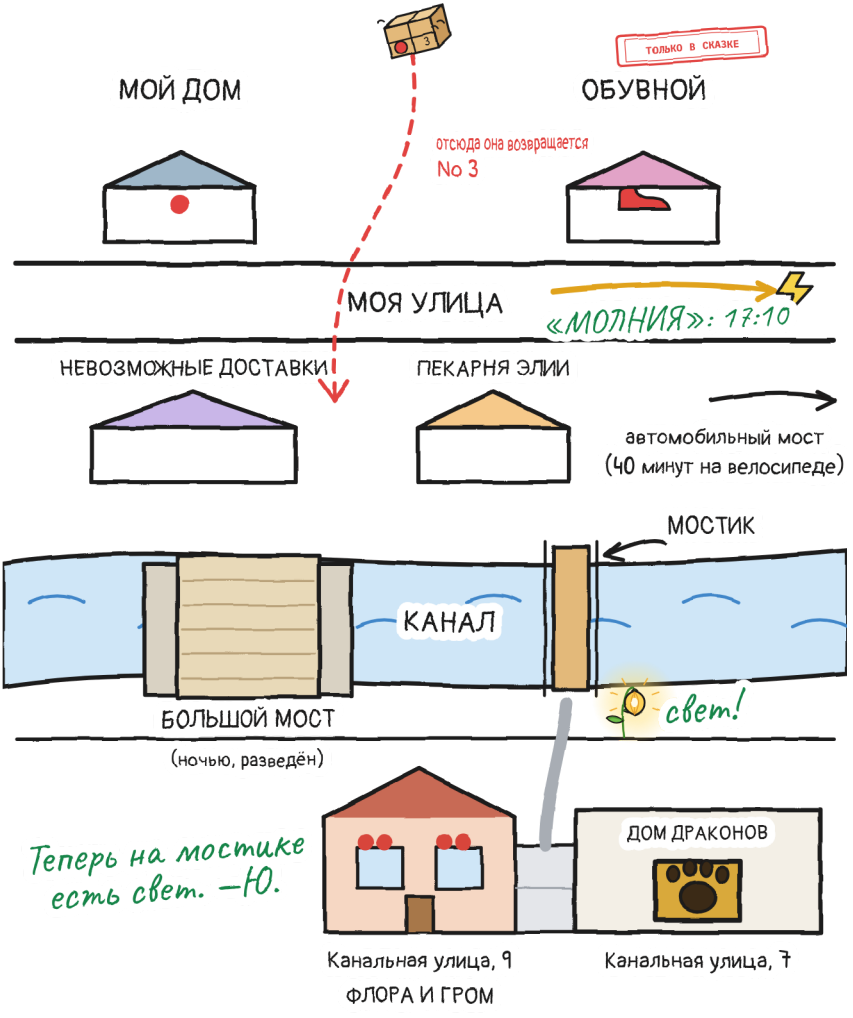
НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · Ч

(очень скоро)



Где приземляется малышка-дракон, которая за тобой всё повторяет? —Ю.

РАЙОН (версия 3)



А КАК ЗОВУТ ТЕБЯ?

Тоньо звали Тоньошей. Теперь он сам выбирает, как его зовут. А ты?

Мне нравится, когда меня зовут...

Меня ещё можно звать...

Не хочу, чтобы меня звали...

Я — Юля. «Ю.» — только когда подписываюсь. —Ю.

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждому — свой размер. Один и тот же день. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)

НАСТОЯЩИЙ ВЕЛОСИПЕД: ЧТО ДЕЛАТЬ

1. Всегда шлем, и хорошо застёгнутый. Даже «только тут рядом».
2. Чтобы тебя видели и слышали: фонари, светлая одежда и звонок. Звонок предупреждает, а не командует.
3. Обе руки на руле. Если что-то отвлекает, остановись в безопасном месте.
4. Тротуар — для тех, кто идёт пешком: там веди велосипед рядом. Перед переходом остановись и посмотри.

Печать ТОЛЬКО В СКАЗКЕ отмечает то, что бывает в сказке, а на улице — нет.

